

Клайв С. Льюис

ЛЕВ, КОЛДУНЬЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ

Хроники Нарнии

Клайв Льюис

Лев, Колдунья и платяной шкаф

«ЭКСМО»

Льюис К. С.

Лев, Колдунья и платяной шкаф / К. С. Льюис — «Эксмо»,
— (Хроники Нарнии)

В загадочном старинном особняке старого-престарого профессора в самом центре Англии Люси находит шкаф, сделанный из волшебного нарнийского дерева, и чудесным образом попадает в Нарнию — но ей никто не верит. Однако совсем скоро Питеру, Эдмунду и Сьюзен доведется самим убедиться в правдивости слов младшей сестры. В мгновение ока они перенесутся из дождливого дня Англии в темную снежную ночь Нарнии. Почему волшебную Нарнию, страну вечного лета и благоденствия, сковал холодный лед? Сбылось древнее пророчество — дети вновь оказались в Нарнии. Теперь от их поступков зависят судьбы всех обитателей страны.

© Льюис К. С.

© Эксмо

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвёртая	24
Глава пятая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Клайв Льюис

Лев, Колдунья и платяной шкаф

Посвящается Люси Барфилд

Милая Люси!

Я написал эту историю для тебя, но когда я принимался за неё, я ещё не понимал, что девочки растут быстрее, чем пишутся книги.

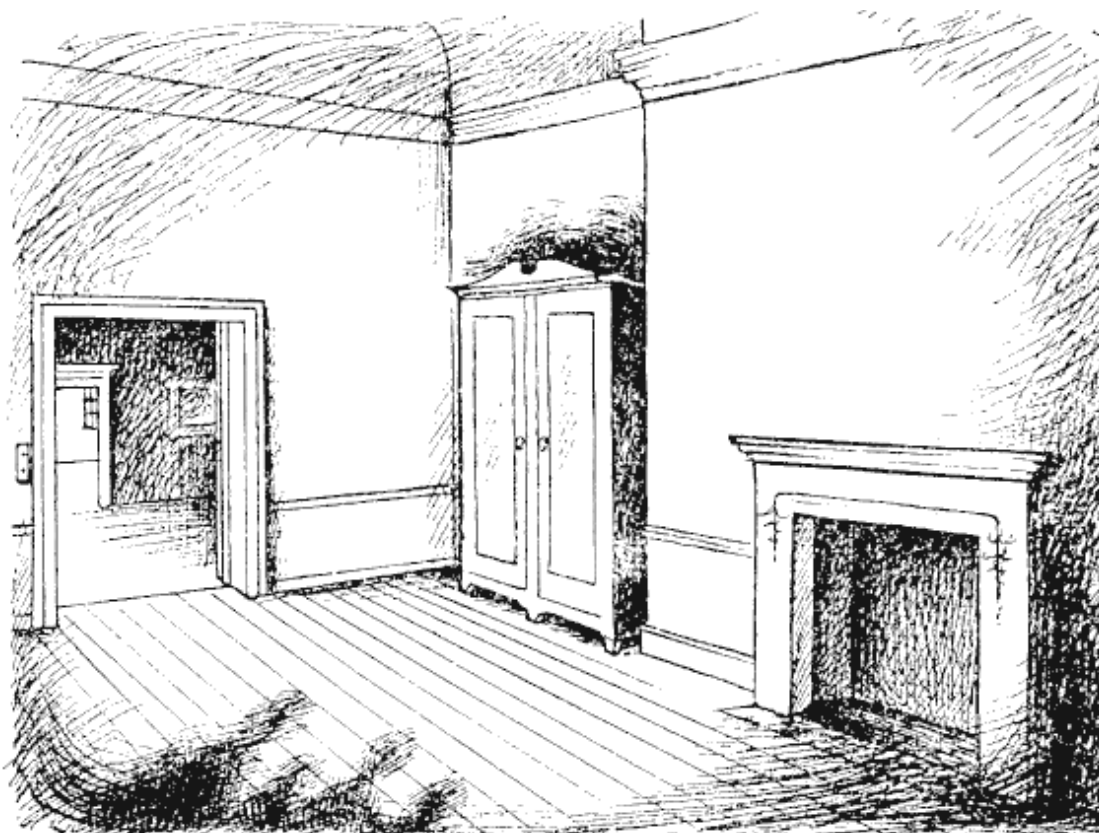
И вот теперь ты уже слишком большая для сказок, а к тому времени, когда эту сказку напечатают и выпустят в свет, станешь ещё старше. Но когда-нибудь ты дорастёшь до такого дня, когда вновь начнёшь читать сказки. Тогда ты снимешь эту книжечку с верхней полки, стряхнёшь с неё пыль, а потом скажешь мне, что ты о ней думаешь. Возможно, к тому времени я так состарюсь, что не услышу и не пойму ни слова, но и тогда я по-прежнему буду любящим тебя крёстным.

Клайв С. Льюис

Глава первая

Люси заглядывает в платяной шкаф

Жили-были на свете четверо ребят, их звали Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. В этой книжке рассказывается о том, что приключилось с ними во время войны, когда их вывезли из Лондона, чтобы они не пострадали из-за воздушных налетов. Их отправили к старику профессору, который жил в самом центре Англии, в десяти милях от ближайшей почты. У него никогда не было жены, и он жил в очень большом доме с экономкой по имени миссис Макриди и тремя служанками – Айви, Маргарет и Бетти (но они почти совсем не принимали участия в нашей истории). Профессор был старый-престарый, с взлохмаченными седыми волосами и взлохмаченной седой бородой чуть не до самых глаз. Вскоре ребята его полюбили, но в первый вечер, когда он вышел им навстречу к парадным дверям, он показался им очень чудным. Люси (самая младшая) даже немного его испугалась, а Эдмунд (следующий за Люси по возрасту) с трудом удержался от смеха – ему пришлось сделать вид, что он сморкается.

Когда они в тот вечер пожелали профессору спокойной ночи и поднялись наверх, в спальни, мальчики зашли в комнату девочек, чтобы поболтать обо всем, что они увидели за день.

– Нам здорово повезло, это факт, – сказал Питер. – Ну и заживём мы здесь! Сможем делать всё, что душе угодно. Этот дедуля и слова нам не скажет.

– По-моему, он просто прелесть, – сказала Сьюзен.

– Замолчи! – сказал Эдмунд. Он устал, хотя делал вид, что нисколько, а когда он уставал, он всегда был не в духе. – Перестань так говорить.

– Как – так? – спросила Сьюзен. – И вообще, тебе пора спать.

– Воображаешь, что ты мама, – сказал Эдмунд. – Кто ты такая, чтобы указывать мне? Тебе самой пора спать.

– Лучше нам всем лечь, – сказала Люси. – Если нас услышат, нам попадёт.

– Не попадёт, – сказал Питер. – Говорю вам, это такой дом, где никто не станет смотреть, чем мы заняты. Да нас и не услышат. Отсюда до столовой не меньше десяти минут ходу по всяким лестницам и коридорам.

– Что это за шум? – спросила вдруг Люси.

Она ещё никогда не бывала в таком громадном доме, и при мысли о длиннющих коридорах с рядами дверей в пустые комнаты ей стало не по себе.

– Просто птица, глупая, – сказал Эдмунд.

– Это сова, – добавил Питер. – Тут должно водиться видимо-невидимо всяких птиц. Ну, я ложусь. Послушайте, давайте завтра пойдём на разведку. В таких местах, как здесь, можно много чего найти. Вы видели горы, когда мы ехали сюда? А лес? Тут, верно, и орлы водятся. И олени! А уж ястребы точно.

– И барсуки, – сказала Люси.

– И лисицы, – сказал Эдмунд.

– И кролики, – сказала Сьюзен.

Но когда наступило утро, оказалось, что идёт дождь, да такой частый, что из окна не было видно ни гор, ни леса, даже ручья в саду, и того не было видно.

– Ясное дело, без дождя нам не обойтись! – сказал Эдмунд.

Они только что позавтракали вместе с профессором и поднялись наверх, в комнату, которую он им выделил для игр, – длинную низкую комнату с двумя окнами в одной стене и двумя – в другой, напротив.

– Перестань ворчать, Эд, – сказала Сьюзен. – Спорю на что хочешь, через час прояснится. А пока тут есть приемник и куча книг. Чем плохо?

– Ну нет, – сказал Питер, – это занятие не для меня. Я пойду на разведку по дому.

Все согласились, что лучше игры не придумаешь. Так вот и начались их приключения. Дом был огромный – казалось, ему не будет конца, – и в нём было полно самых удивительных уголков. Вначале двери, которые они приоткрывали, вели, как и следовало ожидать, в пустые спальни для гостей. Но вскоре ребята попали в длинную-предлинную, увешанную картинами комнату, где стояли рыцарские доспехи; за ней шла комната с зелёными портьерами, в углу которой они увидели арфу. Потом, спустившись на три ступеньки и поднявшись на пять, они очутились в небольшом зале с дверью на балкон; за залом шла анфилада комнат, все стены которых были уставлены шкафами с книгами – это были очень старые книги в тяжёлых кожаных переплетах. А потом ребята заглянули в комнату, где стоял большой платяной шкаф. Вы, конечно, видели такие платяные шкафы с зеркальными дверцами. Больше в комнате ничего не было, кроме высохшей синей мухи на подоконнике.

– Пусто, – сказал Питер, и они друг за другом вышли из комнаты... все, кроме Люси. Она решила попробовать, не откроется ли дверца шкафа, хотя была уверена, что он заперт. К ее удивлению, дверца сразу же распахнулась, и оттуда выпали два шарика нафталина.

Люси заглянула внутрь. Там висело несколько длинных меховых шуб. Больше всего на свете Люси любила гладить мех. Она тут же вошла в шкаф и принялась тереться о мех лицом; дверцу она, конечно, оставила открытой – ведь она знала: нет ничего глупей, чем запереть самого себя в шкафу. Люси забралась поглубже и увидела, что за первым рядом шуб висит второй. В шкафу было темно, и, боясь удариться о что-нибудь носом, она вытянула перед собой руки. Девочка сделала шаг, еще один и еще. Она ждала, что вот-вот упрётся кончиками пальцев в заднюю стенку, но пальцы по-прежнему уходили в пустоту.

«Ну и огромный шкафище! – подумала Люси, раздвигая пушистые шубы и пробираясь все дальше и дальше. Тут под ногой у нее что-то хрустнуло. – Интересно, что это такое? – подумала она. – Ещё один нафталиновый шарик?» Люси нагнулась и принялась шарить рукой.

Но вместо гладкого деревянного пола ее рука коснулась чего-то мягкого, рассыпающегося и очень-очень холодного.

– Как странно, – сказала она и сделала ещё два шага вперед.

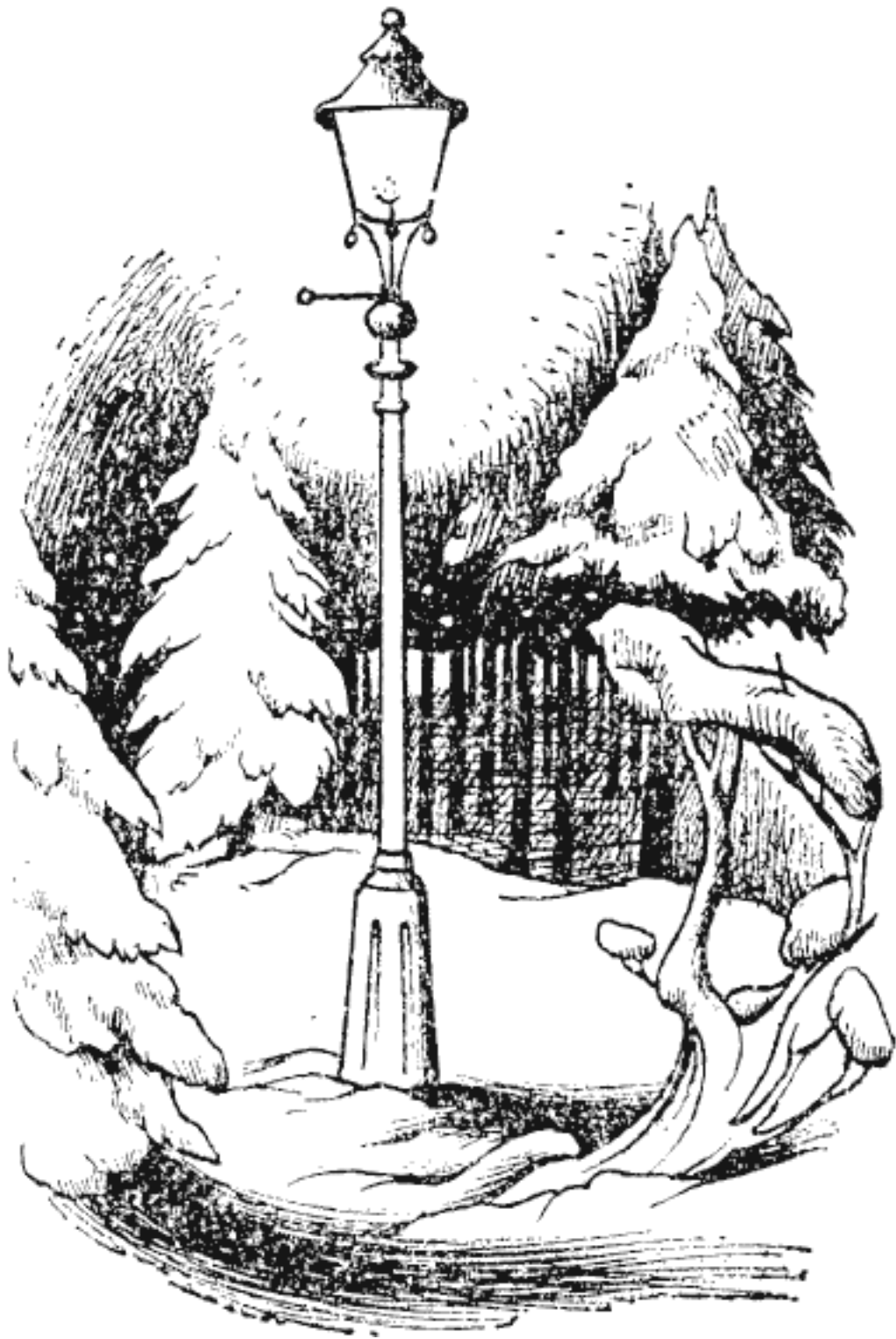
В следующую секунду она почувствовала, что её лицо и руки упираются не в мягкие складки меха, а во что-то твердое, шершавое и даже колючее.

– Прямо, как ветки дерева! – воскликнула Люси.

И тут она заметила впереди свет, но не там, где должна быть стенка шкафа, а далеко-далеко. Сверху падало что-то мягкое и холодное. Ещё через мгновение она увидела, что стоит посреди леса, под ногами у неё снег, с ночного неба падают снежные хлопья.

Люси немного испугалась, но любопытство оказалось сильнее, чем страх. Она оглянулась через плечо: позади, между темными стволами деревьев, видна была раскрытая дверца шкафа и сквозь нее – комната, из которой она попала сюда (вы, конечно, помните, что Люси оставила дверцу открытой). Там, за шкафом, по-прежнему был день.

«Я всегда смогу вернуться, если что-нибудь пойдёт не так», – подумала Люси и двинулась вперед. «Хруп, хруп», – хрустел снег под её ногами. Минут через десять она подошла к тому месту, откуда исходил свет. Перед ней был... фонарный столб. Люси вытаращила глаза. Почему среди леса стоит фонарь? И что ей делать дальше? И тут она услышала лёгкое поскрипывание шагов. Шаги приближались. Прошло несколько секунд, и из-за деревьев показалось и вступило в круг света от фонаря очень странное существо.

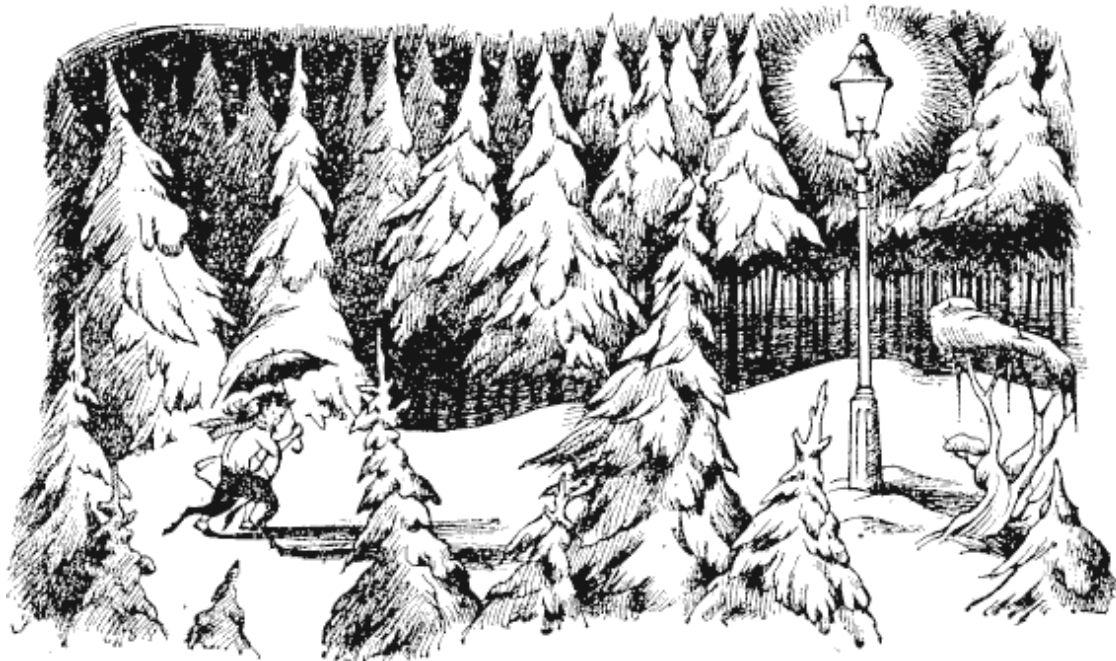
Ростом оно было чуть повыше Люси и держало над головой зонтик, белый от снега. Верхняя часть его тела была человеческой, а ноги, покрытые чёрной блестящей шерстью, были козлиные, с копытцами внизу. У него был также хвост, но Люси сперва этого не заметила, потому что хвост был аккуратно перекинут через руку – ту, в которой это существо держало зонтик, – чтобы хвост не волочился по снегу. Вокруг шеи был обмотан толстый красный шарф, под цвет красноватой кожи. У него было странное, но очень славное личико с короткой острой бородкой и кудрявые волосы, по обе стороны лба из волос выглядывали рожки. В одной руке, как я уже сказал, оно держало зонтик, в другой – несколько пакетов, завернутых в оберточную бумагу.

Пакеты, снег кругом – казалось, оно идет из магазина с рождественскими покупками. Это был фавн. При виде Люси он вздрогнул от неожиданности. Все пакеты попадали на снег.

– Батюшки! – воскликнул фавн.

Глава вторая

Что Люси нашла по ту сторону дверцы

– Здравствуйте, – сказала Люси. Но фавн был очень занят – он подбирал свои пакеты – и ничего ей не ответил. Собрав их все до единого, он поклонился Люси.

– Здравствуйте, здравствуйте, – сказал фавн. – Простите... я не хочу быть чересчур любопытным... но я не ошибаюсь, вы – дочь Евы?

– Меня зовут Люси, – сказала она, не совсем понимая, что фавн имеет в виду.

– Но вы... простите меня... вы... как это называется... девочка? – спросил фавн.

– Конечно, я девочка, – сказала Люси.

– Другими словами, вы – настоящий человеческий Человек?

– Конечно, я человек, – сказала Люси, по-прежнему недоумевающая.

– Разумеется, разумеется, – проговорил фавн. – Как глупо с моей стороны! Но я ни разу ещё не встречал сына Адама или дочь Евы. Я в восторге. То есть... – Тут он замолк, словно чуть было не сказал нечаянно то, чего не следовало, но вовремя об этом вспомнил. – В восторге, в восторге! – повторил он. – Разрешите представиться. Меня зовут мистер Тумнус.

– Очень рада познакомиться, мистер Тумнус, – сказала Люси.

– Разрешите осведомиться, о Люси, дочь Евы, как вы попали в Нарнию?

– В Нарнию? Что это? – спросила Люси.

– Нарния – это страна, – сказал фавн, – где мы с вами сейчас находимся; все пространство между Фонарным столбом и огромным замком Кэр-Параваль на восточном море. А вы... пришли из диких западных лесов?

– Я... я пришла через платяной шкаф из пустой комнаты...

– Ах, – сказал мистер Тумнус печально, – если бы я как следует учил географию в детстве, я бы, несомненно, всё знал об этих неведомых странах. Теперь уже поздно.

– Но это вовсе не страна, – сказала Люси, едва удерживаясь от смеха. – Это в нескольких шагах отсюда... по крайней мере... не знаю. Там сейчас лето.

– Ну а здесь, в Нарнии, зима, – сказал мистер Тумнус, – и тянется она уже целую вечность. И мы оба простудимся, если будем стоять и беседовать тут, на снегу. Дочь Евы из далёкой

страны Пуста-Якомната, где царит вечное лето в светлом городе Платенашкаф, не хотите ли вы зайти ко мне и выпить со мной чашечку чаю?

– Большое спасибо, мистер Тумнус, – сказала Люси. – Но мне, пожалуй, пора домой.

– Я живу в двух шагах отсюда, – сказал фавн, – и у меня очень тепло... горит камин... и есть поджаренный хлеб... и сардины... и пирог.

– Вы очень любезны, – сказала Люси. – Но мне нельзя задерживаться надолго.

– Если вы возьмёте меня под руку, о дочь Евы, – сказал мистер Тумнус, – я смогу держать зонтик над нами обоими. Нам сюда. Ну что же, пошли.

И Люси пустилась в путь по лесу под руку с фавном, словно была знакома с ним всю жизнь.

Вскоре почва у них под ногами стала неровная, там и тут торчали большие камни; путники то поднимались на холм, то спускались с холма. На дне небольшой лощины мистер Тумнус вдруг свернул в сторону, словно собирался пройти прямо сквозь скалу, но, подойдя к ней вплотную, Люси увидела, что они стоят у входа в пещеру. Когда они вошли, Люси даже зажмурилась – так ярко пылали дрова в камине. Мистер Тумнус нагнулся и, взяв начищенными щипцами головню, зажёл лампу.

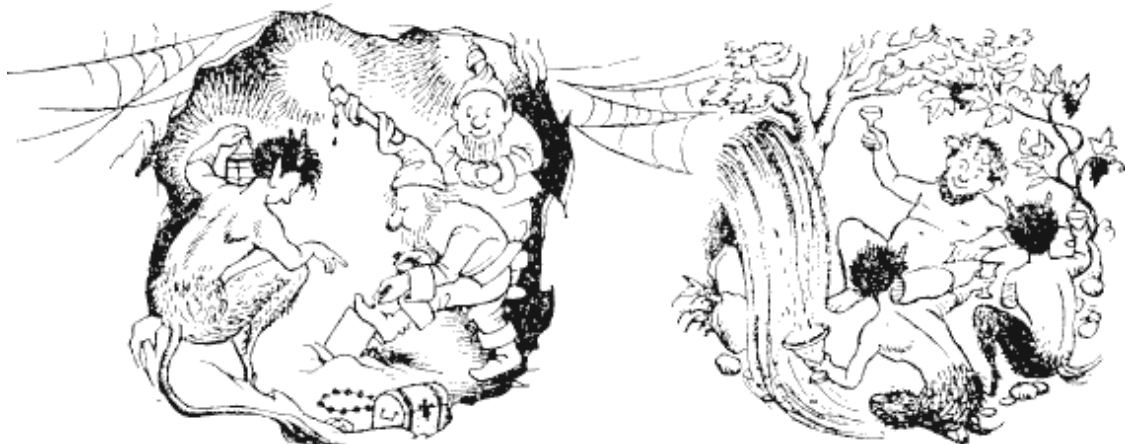
– Ну, теперь скоро, – сказал он и в тот же миг поставил на огонь чайник.

Люси не случилось ещё видеть такого уютного местечка. Они находились в маленькой, сухой, чистой пещерке со стенами из красноватого камня. На полу лежал ковер, стояли два креслица («Одно для меня, другое – для друга», – сказал мистер Тумнус), стол и кухонный буфет, над камином висел портрет старого фавна с седой бородкой. В углу была дверь («Наверно, в спальню мистера Тумнуса», – подумала Люси), рядом – полка с книгами. Пока мистер Тумнус накрывал на стол, Люси читала названия: «Жизнь и письма Силена», «Нимфы и их обычаи», «Исследование распространённых легенд», «Является ли Человек мифом».

– Милости просим, дочь Евы, – сказал фавн.

Чего только не было на столе! И яйца всмятку – по яйцу на каждого из них, – и поджаренный хлеб, и сардины, и масло, и мёд, и облитый сахарной глазурью пирог. А когда Люси устала есть, фавн начал рассказывать ей о жизни в лесу. Ну и удивительные это были истории! Он рассказывал ей о полуночных плясках, когда наяды, живущие в колодцах, и дриады, живущие на деревьях, выходят, чтобы танцевать с фавнами; об охотах на белого, как молоко, оленя, который исполняет все твои желания, если тебе удаётся его поймать; о пиратах и поисках сокровищ вместе с гномами в пещерах и копиях глубоко под землёй; и о лете, когда лес стоит зелёный и к ним приезжает в гости на своём толстом осле Силен, а иногда сам Вакх, и тогда в реках вместо воды течёт вино и в лесу неделя за неделей длится праздник.

– Только теперь у нас всегда зима, – печально добавил он.

И чтобы приободриться, фавн вынул из футляра, который лежал на шкафчике, странную маленькую флейту, на вид сделанную из соломы, и принялся играть. Люси сразу захотелось смеяться и плакать, пуститься в пляс и уснуть – всё в одно и то же время.

Прошёл, видно, не один час, пока она очнулась и сказала:

– Ах, мистер Тумнус... мне так неприятно вас прерывать... и мне очень нравится мотив... но, право же, мне пора домой. Я ведь зашла всего на несколько минут.

– Теперь поздно об этом говорить, – промолвил фавн, кладя флейту и грустно покачивая головой.

– Поздно? – переспросила Люси и вскочила с места. Ей стало страшно. – Что вы этим хотите сказать? Мне нужно немедленно идти домой. Там все, наверное, беспокоятся. – Но тут же воскликнула: – Мистер Тумнус! Что с вами? – Потому что карие глаза фавна наполнились слезами, затем слезы покатались у него по щекам, закапали с кончика носа, и наконец он закрыл лицо руками и заплакал в голос.

– Мистер Тумнус! Мистер Тумнус! – страшно расстроившись, промолвила Люси. – Не надо, не плачьте! Что случилось? Вам нехорошо? Миленький мистер Тумнус, скажите, пожалуйста, скажите, что с вами?

Но фавн продолжал рыдать так, словно у него разрывалось сердце. И даже когда Люси подошла к нему и обняла его и дала ему свой носовой платок, он не успокоился. Он только взял платок и тёр им нос и глаза, выжимая его на пол обеими руками, когда он становился слишком мокрым, так что вскоре Люси оказалась в большой луже.

– Мистер Тумнус! – громко закричала Люси прямо в ухо фавну и потрясла его. – Пожалуйста, перестаньте. Сейчас же перестаньте. Как вам не стыдно, такой большой фавн! Ну почему, почему вы плачете?

– А-а-а! – ревел мистер Тумнус. – Я плачу, потому что я очень плохой фавн.

– Я вовсе не думаю, что вы плохой фавн, – сказала Люси. – Я думаю, что вы очень хороший фавн. Вы самый милый фавн, с каким я встречалась.

– А-а, вы бы так не говорили, если бы знали, – отвечал, всхлипывая, мистер Тумнус. – Нет, я плохой фавн. Такого плохого фавна не было на всём белом свете.

– Да что вы натворили? – спросила Люси.

– Мой батюшка... это его портрет там, над камином... он бы ни за что так не поступил...

– Как – так? – спросила Люси.

– Как я, – сказал фавн. – Пошёл на службу к Белой Колдунье – вот что я сделал. Я на жалованье у Белой Колдуньи.

– Белой Колдуньи? Кто она такая?

– Она? Она та самая, у кого вся Нарния под башмаком. Та самая, из-за которой у нас вечная зима. Вечная зима, а Рождества всё нет и нет. Только подумайте!

– Ужасно! – сказала Люси. – Но вам-то она за что платит?

– Вот тут и есть самое плохое, – сказал мистер Тумнус с глубоким вздохом. – Я похититель детей, вот за что. Взгляните на меня, дочь Евы. Можно ли поверить, что я способен, повстречав в лесу бедного невинного ребёнка, который не причинил мне никакого зла, при-

твориться, будто дружески к нему расположен, пригласить к себе в пещеру и усыпить своей флейтой – всё ради того, чтобы отдать несчастного в руки Белой Колдуньи?

– Нет, – сказала Люси. – Я уверена, что вы не способны так поступить.

– Но я поступил так, – сказал фавн.

– Ну что ж, – отозвалась Люси, помедлив (она не хотела говорить неправду и вместе с тем не хотела быть очень уж суровой с ним), – что ж, это было нехорошо с вашей стороны. Но вы сожалеете о своём поступке, и я уверена, что больше вы никогда так не сделаете.

– О, дочь Евы, неужели вы не понимаете? – спросил фавн. – Я не когда-то раньше поступил так. Я делаю так сейчас, в этот самый миг.

– Что вы хотите сказать?! – вскричала Люси и побелела как полотно.

– Вы – тот самый ребёнок, – проговорил мистер Тумнус. – Белая Колдунья мне приказала, если я вдруг увижу в лесу сына Адама или дочь Евы, поймать их и передать ей. А вы – первая, кого я встретил. Я притворился вашим другом и позвал к себе выпить чаю, и всё это время я ждал, пока вы заснёте, чтобы пойти и сказать обо всём ей.

– Ах, но вы не скажете ей обо мне, мистер Тумнус! – воскликнула Люси. – Ведь правда, не скажете? Не надо, пожалуйста, не надо!

– А если я ей не скажу, – подхватил он, вновь принимаясь плакать, – она непременно об этом узнает. И велит отрубить мне хвост, отпилить рожки и выщипать бороду. Она взмахнет волшебной палочкой – и мои хорошенькие раздвоенные копытца превратятся в копытища, как у лошади. А если она особенно разозлится, она обратит меня в камень, и я сделаюсь статуей фавна и буду стоять в её страшном замке до тех пор, пока все четыре трона в Кэр-Паравале не окажутся заняты. А кто ведает, когда это случится и случится ли вообще.

– Мне очень жаль, мистер Тумнус, – сказала Люси, – но, пожалуйста, отпустите меня домой.

– Разумеется, отпущу, – сказал фавн. – Разумеется, я должен это сделать. Теперь мне это ясно. Я не знал, что такое Люди, пока не повстречал вас. Конечно, я не могу выдать вас Колдунье теперь, когда с вами познакомился. Но нам надо скорее уходить. Я провожу вас до Фонарного столба. Вы ведь найдете оттуда дорогу в Платенашкаф и Пуста-Якомнату?

– Конечно, найду, – сказала Люси.

– Надо идти как можно тише, – сказал мистер Тумнус. – Лес полон её шпионов. Некоторые деревья, и те на её стороне.

Они даже не убрали со стола. Мистер Тумнус снова раскрыл зонтик, взял Люси под руку, и они вышли из пещеры наружу. Путь обратно был совсем не похож на путь в пещеру фавна: не обмениваясь ни словом, они крались под деревьями чуть не бегом. Мистер Тумнус выбирал самые тёмные местечки. Наконец они добрались до Фонарного столба. Люси вздохнула с облегчением.

– Вы знаете отсюда дорогу, о дочь Евы? – спросил мистер Тумнус. Люси взглядела в темноту и увидела вдали, между стволами деревьев, светлое пятно.

– Да, – сказала она, – я вижу открытую дверцу платяного шкафа.

– Тогда бегите скорее домой, – сказал фавн, – и... вы... вы можете простить меня за то, что я собирался сделать?

– Ну конечно же, – сказала Люси, горячо, от всего сердца пожимая ему руку. – И я надеюсь, у вас не будет из-за меня больших неприятностей.

– Счастливого пути, дочь Евы, – сказал он. – Можно я оставлю ваш платок себе на память?

– Пожалуйста, – сказала Люси и со всех ног помчалась к далёкому пятну дневного света. Вскоре она почувствовала, что руки ее раздвигают не колючие ветки деревьев, а мягкие меховые шубы, что под ногами у неё не скрипучий снег, а деревянные планки, и вдруг – хлоп! – она очутилась в той самой пустой комнате, где начались её приключения. Она крепко прикрыла

дверцу шкафа и оглянулась вокруг, всё еще не в силах перевести дыхание. По-прежнему шёл дождь, в коридоре слышались голоса её сестры и братьев.

– Я здесь! – закричала она. – Я здесь. Я вернулась. Всё в порядке.

Глава третья

Эдмунд и платяной шкаф

Люси выбежала из пустой комнаты в коридор, где были все остальные.

– Всё в порядке, – повторила она. – Я вернулась.

– О чём ты говоришь? – спросила Сьюзен. – Ничего не понимаю.

– Как о чём? – удивлённо сказала Люси. – Разве вы не беспокоились, куда я пропала?

– Так ты пряталась, да? – сказал Питер. – Бедняжка Лу спряталась, и никто этого не заметил! В следующий раз прячься подольше, если хочешь, чтобы тебя начали искать.

– Но меня не было здесь много часов, – сказала Люси.

Ребята вытаращили друг на друга глаза.

– Свихнулась! – проговорил Эдмунд, постукав себя пальцем по лбу. – Совсем свихнулась.

– Что ты хочешь сказать, Лу? – спросил Питер.

– То, что сказала, – ответила Люси. – Я вошла в шкаф сразу после завтрака, и меня не было здесь много часов подряд, и я пила чай в гостях, и со мной случились самые разные приключения.

– Не болтай глупости, Люси, – сказала Сьюзен. – Мы только что вышли из этой комнаты, а ты была там с нами вместе.

– Да она не болтает, – сказал Питер, – она просто придумала всё для интереса, правда, Лу? А почему бы и нет?

– Нет, Питер, – сказала Люси. – Я ничего не сочинила. Это волшебный шкаф. Там внутри лес и идёт снег. И там есть фавн и Колдунья, и страна называется Нарния. Пойди посмотри.

Ребята не знали, что и подумать, но Люси была в таком возбуждении, что они вернулись вместе с ней в пустую комнату. Она подбежала к шкафу, распахнула дверцу и крикнула:

– Скорей лезьте сюда и посмотрите своими глазами!

– Ну и глупышка, – сказала Сьюзен, засовывая голову в шкаф и раздвигая шубы. – Обыкновенный платяной шкаф. Погляди, вот его задняя стенка.

И тут все остальные заглянули внутрь, и раздвинули шубы, и увидели – да Люси сама ничего другого сейчас не видела – обыкновенный платяной шкаф. За шубами не было ни леса, ни снега – только задняя стенка и крючки на ней. Питер влез в шкаф и постучал по стене костяшками пальцев, чтобы убедиться, что она сплошная.

– Хорошо ты нас разыграла, Люси, – проговорил он, вылезая из шкафа. – Выдумка что надо, ничего не скажешь. Мы чуть было не поверили тебе.

– Но я ничего не выдумала, – возразила Люси. – Честное слово. Минуту назад здесь все было по-другому. Правда было, на самом деле.

– Хватит, Лу, – сказал Питер. – Не перегибай палку. Ты хорошо над нами подшутила, и хватит.

Люси вспыхнула, попыталась было что-то сказать, хотя толком не знала что, и разревелась.

Следующие несколько дней были печальными для Люси. Ей ничего не стоило помириться с остальными, надо было только согласиться, что она выдумала всё для смеха. Но Люси была очень правдивая девочка, а сейчас она твёрдо знала, что она права, поэтому она никак не могла заставить себя отказаться от своих слов. А её сестра и братья считали, что это ложь, причём глупая ложь, и Люси было очень обидно. Двое старших хотя бы не трогали ее, но Эдмунд иногда бывал порядочным злокой, и на этот раз он показал себя во всей красе. Он дразнил Люси и приставал к ней, без конца спрашивая, не открыла ли она каких-нибудь стран в других платяных шкафах. И что обидней – если бы не ссора, она могла чудесно провести эти дни. Стояла прекрасная погода, ребята весь день были на воздухе. Они купались, ловили рыбу, лазали по деревьям и валялись на траве. Но Люси всё было не мило. Так продолжалось до первого дождливого дня.

Когда после обеда ребята увидели, что погода вряд ли изменится к лучшему, они решили играть в прятки. Водила Сьюзен, и, как только все разбежались в разные стороны, Люси пошла в пустую комнату, где стоял платяной шкаф. Она не собиралась прятаться в шкафу, она знала, что, если её там найдут, остальные снова станут вспоминать эту злосчастную историю. Но ей очень хотелось ещё разок заглянуть в шкаф, потому что к этому времени она и сама стала думать, уж не приснились ли ей фавн и Нарния.

Дом был такой большой и запутанный, в нём было столько укромных уголков, что она вполне могла глянуть одним глазком в шкаф, а потом спрятаться в другом месте. Но не успела Люси войти в комнату, как снаружи послышались шаги. Ей оставалось лишь быстренько забраться в шкаф и притвориться за собой дверцу. Однако она оставила небольшую щелочку, ведь она знала, что запереть себя в шкафу очень глупо, даже если это простой, а не волшебный шкаф.

Так вот, шаги, которые она слышала, были шагами Эдмунда; войдя в комнату, он успел заметить, что Люси скрылась в шкафу. Он сразу решил тоже залезть в шкаф. Не потому, что там так уж удобно прятаться, а потому что ему хотелось ещё раз поддразнить Люси её выду-

манной страной. Он распахнул дверцу. Перед ним висели меховые шубы, пахло нафталином, внутри было тихо и тепло. Где же Люси? «Она думает, что я – Сьюзен и сейчас её поймаю, – сказал себе Эдмунд, – вот и притаилась у задней стенки». Он прыгнул в шкаф и захлопнул за собой дверцу, забыв, что делать так очень глупо. Затем принялся шарить между шубами. Он ждал, что сразу же схватит Люси, и очень удивился, не найдя её. Он решил открыть дверцу шкафа, чтобы ему было светлей, но и дверцу найти он тоже не смог. Это ему не понравилось, да ещё как! Он заметался в разные стороны и закричал:

– Люси, Лу! Где ты? Я знаю, что ты здесь!

Но ему никто не ответил, и Эдмунду показалось, что голос его звучит очень странно – как на открытом воздухе, а не в шкафу. Он заметил также, что ему почему-то стало очень холодно. И тут он увидел светлое пятно.

– Уф! – с облегчением вздохнул Эдмунд. – Верно, дверца растворилась сама собой.

Он забыл про Люси и двинулся по направлению к свету. Он думал, что это открытая дверца шкафа. Но вместо того чтобы выйти из шкафа и оказаться в пустой комнате, он, к своему удивлению, обнаружил, что выходит из-под густых елей на поляну среди дремучего леса.

Под его ногами поскрипывал сухой снег, снег лежал на еловых лапах. Над головой у него было светло-голубое небо – такое небо бывает на заре ясного зимнего дня. Прямо перед ним между стволами деревьев, красное и огромное, вставало солнце. Было тихо-тихо, словно он – единственное здесь живое существо. На деревьях не видно было ни птиц, ни белок, во все стороны, насколько доставал глаз, уходил тёмный лес. Эдмунда стала бить дрожь.

Тут только он вспомнил, что искал Люси. Он вспомнил также, как дразнил её «выдуманной» страной, а страна оказалась настоящей. Он подумал, что сестра где-нибудь неподалеку, и крикнул:

– Люси! Люси! Я тоже здесь. Это Эдмунд.

«Злится на меня за всё, что я ей наговорил в последние дни», – подумал Эдмунд. И хотя ему не очень-то хотелось признаваться, что он был не прав, ещё меньше ему хотелось быть одному в этом страшном, холодном, безмолвном лесу, поэтому он снова закричал:

– Лу! Послушай, Лу... Прости, что я тебе не верил. Я вижу, что ты говорила правду. Ну, выходи же. Давай мириться.

По-прежнему никакого ответа.

«Девчонка остается девчонкой, – сказал себе Эдмунд. – Дуется на меня и не желает слушать извинений». Он ещё раз огляделся, и ему совсем тут не понравилось. Он уже почти решил возвращаться домой, как вдруг услышал далёкий перезвон бубенчиков. Он прислушался. Перезвон становился всё громче и громче, и вот на поляну выбежали два северных оленя, запряжённых в сани.

Олени были величиной с шотландских пони, и шерсть у них была белая-пребелая, белее снега; их ветвистые рога были позолочены, и когда на рога попадал луч солнца, они вспыхивали, словно охваченные пламенем. Упряжь из ярко-красной кожи была увешана колокольчиками. На санях, держа в руках вожжи, сидел толстый гном; если бы он встал во весь рост, он оказался бы не выше метра. На нем была шуба из шкуры белого медведя, на голове – красный колпак с золотой кисточкой, свисавшей на длинном шнурке. Огромная борода ковром укутывала гному колени. А за ним, на высоком сиденье, восседала фигура, ничем не похожая на него. Это была важная дама, выше всех женщин, которых знал Эдмунд. Она тоже была закутана в белый мех, на голове у неё сверкала золотая корона, в руке – длинная золотая палочка. Лицо у неё тоже было белое – не просто бледное, а белое как снег, как бумага, как сахарная глазурь на пироге, а рот – ярко-красный. Красивое лицо, но надменное, холодное и суровое.

Великолепное это было зрелище, когда сани во весь опор неслись по направлению к Эдмунду: звенели колокольчики, гном щелкал хлыстом, по обеим сторонам взлетал сверкающий снег.

– Стой! – сказала дама, и гном так натянул вожжи, что олени чуть не присели на задние ноги. Затем стали как вкопанные, грызя удила и тяжело дыша. В морозном воздухе пар вырывался у них из ноздрей, словно клубы дыма. – А это что такое? – сказала дама, пристально глядя на мальчика.

– Я... я... меня зовут Эдмунд, – пробормотал он, запинаясь. Ему не понравилось, как она на него смотрит.

Дама нахмурилась.

– Кто так обращается к королеве? – сказала она, глядя на Эдмунда ещё более сурово, чем прежде.

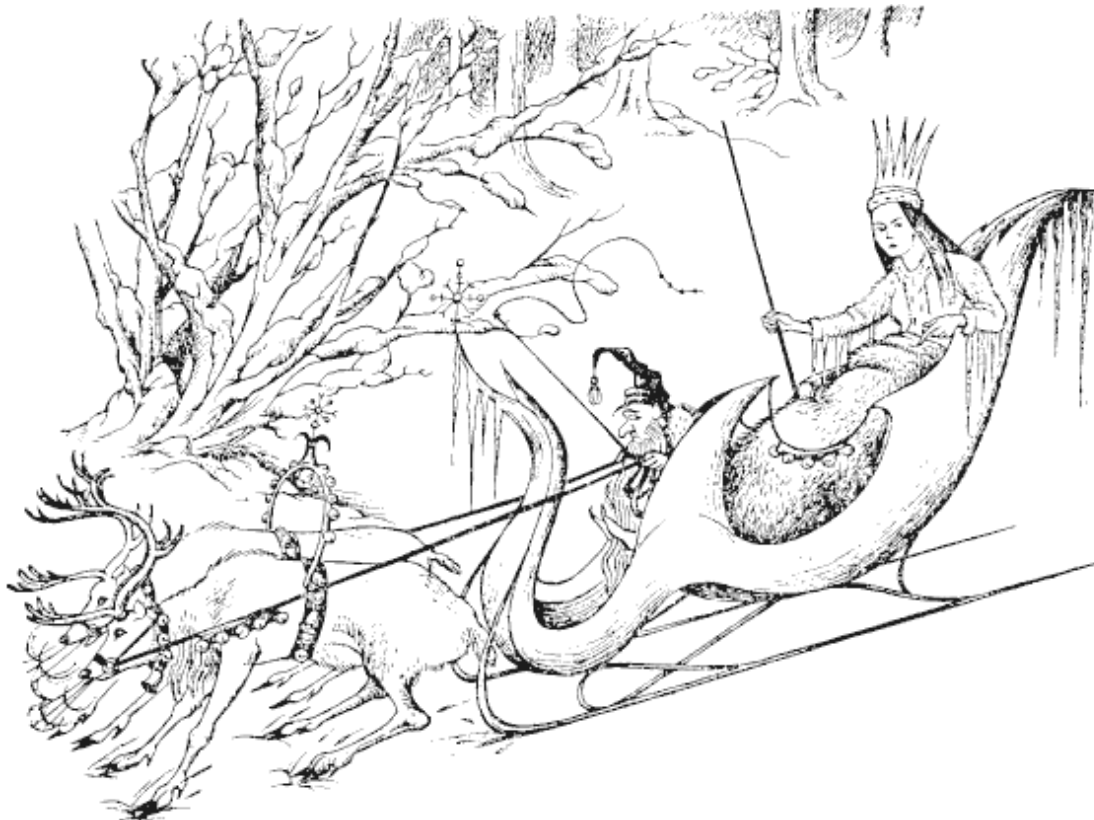
– Простите меня, ваше величество, – сказал Эдмунд. – Я не знал.

– Не знать королеву Нарнии! – вскричала она. – Ну, скоро ты нас узнаешь! Ещё раз спрашиваю: что ты такое?

– Прошу прощения, ваше величество, я вас не совсем понимаю, – сказал Эдмунд. – Я школьник... хожу в школу, то есть ходил. Сейчас у нас каникулы.

Глава четвёртая

Рахат-лукум

– Какой ты породы? – снова спросила Колдунья. – Ты что – переросший карлик, который обрезал бороду?

– Нет, ваше величество. У меня ещё нет бороды. Я – мальчик.

– Мальчик! – воскликнула Колдунья. – Ты хочешь сказать, ты – сын Адама?

Эдмунд стоял не двигаясь и молчал. К этому времени в голове у него был такой ералаш, что он не понял вопроса королевы.

– Я вижу, что ты – олух, кем бы ты ни был ещё, – промолвила королева. – Отвечай мне наконец, пока у меня не лопнуло терпение. Ты – Человек?

– Да, ваше величество, – сказал Эдмунд.

– А как ты, скажи на милость, попал в мои владения?

– Простите, ваше величество, я прошёл сквозь платяной шкаф.

– Платяной шкаф? Что ты имеешь в виду?

– Я... я отворил дверцу и... и очутился здесь, ваше величество, – пролепетал Эдмунд.

– Ха! – сказала королева скорее самой себе, чем ему. – Дверцу! Дверь из мира Людей! Я слышала о подобных вещах. Это может всё погубить. Но он всего один, и с ним нетрудно управиться.

С этими словами Колдунья привстала с сиденья и взглянула Эдмунду прямо в лицо. Глаза её сверкали. Она подняла волшебную палочку. Эдмунд был уверен, что она собирается сделать с ним что-то ужасное, но не мог и шевельнуться.

И тут, когда мальчик окончательно решил, что пропал, она, видимо, передумала.

– Бедное моё дитя, – проговорила она совсем другим тоном. – Ты, наверное, замёрз. Иди сюда, садись рядом со мной в сани. Я закутаю тебя в плащ, и мы потолкуем.

Эдмунду это решение пришлось не совсем по вкусу, но он не решился возражать. Он взобрался в сани и сел у её ног, а Колдунья накинула на него полу плаща и хорошенько подоткнула мех со всех сторон.

– Не хочешь ли выпить чего-нибудь горяченького? – спросила она.

– Да, пожалуйста, ваше величество, – сказал Эдмунд. Зубы у него стучали от страха и холода.

Откуда-то из складок плаща Колдунья вынула небольшую бутылочку, сделанную из жёлтого металла, похожего на медь. Вытянув руку, она капнула из бутылочки одну каплю на снег возле саней. Эдмунд видел, как капля сверкнула в воздухе, подобно бриллианту. В следующую секунду она коснулась снега, послышалось шипение, и перед ним, откуда ни возмись, возник покрытый драгоценными камнями кубок с неведомой жидкостью, от которой шёл пар. Карлик тут же схватил его и подал Эдмунду с поклоном и улыбочкой – не очень-то приятной, по правде говоря. Как только Эдмунд принялся отхлёбывать это сладкое, пенящееся, густое питьё, ему стало гораздо лучше. Он никогда не пробовал ничего похожего, питьё согрело Эдмунда с ног до головы.

– Скучно пить и не есть, – сказала Королева. – Чего бы тебе хотелось больше всего, сын Адама?

– Рахат-лукума, если можно, ваше величество, – проговорил Эдмунд.

Королева вновь капнула на снег одну каплю из медного флакона – и в тот же миг капля превратилась в круглую коробку, перевязанную зелёной шёлковой лентой. Когда Эдмунд её открыл, она оказалась полна великолепного рахат-лукума. Каждый кусочек был насквозь про-

зрачный и очень сладкий. Эдмунду в жизни ещё не доводилось отвеживать такого вкусного рахат-лукума. Он уже совсем согрелся и чувствовал себя превосходно.

Пока он лакомился, Колдунья задавала ему вопрос за вопросом. Сперва Эдмунд старался не забывать, что невежливо говорить с полным ртом, но скоро он думал только об одном: как бы запихать в рот побольше рахат-лукума, и чем больше он его ел, тем больше ему хотелось ещё, и он ни разу не задумался над тем, почему Колдунья расспрашивает его с таким любопытством. Она заставила его рассказать, что у него есть брат и две сестры, и что одна из сестёр уже бывала в Нарнии и встретила тут фавна, и что никто, кроме него самого, его брата и сестёр, ничего о Нарнии не знает. Особенно заинтересовало её то, что их четверо, и она снова и снова к этому возвращалась.

– Ты уверен, что вас четверо? – спрашивала она. – Два сына Адама и две дочери Евы – не больше и не меньше?

И Эдмунд, набив рот рахат-лукумом, снова и снова отвечал:

– Да, я уже вам говорил.

Он забывал добавлять «ваше величество», но она, судя по всему, уже не обращала на это внимания.

Наконец с рахат-лукумом было покончено. Эдмунд во все глаза уставился на пустую коробку – вдруг Колдунья спросит, не хочет ли он ещё. Возможно, она догадывалась, о чём он думает, ведь она знала – а он-то нет, – что это волшебный рахат-лукум, и тому, кто хоть раз его попробует, хочется ещё и ещё, и если ему позволить, будет есть до тех пор, пока не лопнет от объедения. Но она не предложила Эдмунду больше. Вместо этого она сказала ему:

– Сын Адама! Мне было бы очень приятно повидать твоего брата и твоих двух сестёр. Не приведёшь ли ты их ко мне в гости?

– Попробую, – сказал Эдмунд, все ещё не отводя глаз от пустой коробки.

– Если ты снова сюда придёшь, конечно, вместе с ними, я опять угощу тебя рахат-лукумом. Сейчас я не могу этого сделать, магия больше не подействует. Другое дело – у меня в замке.

– Почему бы нам не поехать сейчас к вам? – спросил Эдмунд. Когда Колдунья предлагала ему сесть к ней на колени, он испугался, как бы она не увезла его куда-нибудь далеко, в неизвестное место, откуда он не сумеет найти дорогу назад, но теперь он позабыл всякий страх.

– Мой замок очень красив, – сказала Колдунья. – Я уверена, что тебе там понравится. Там есть комнаты, с полу до потолка заставленные рахат-лукумом. И вот что ещё: у меня нет своих детей. Я хочу усыновить славного мальчика и сделать его принцем. Когда я умру, он станет королём Нарнии. Принц будет носить золотую корону и целый день есть рахат-лукум, а ты – самый умный и самый красивый мальчик из всех, кого я встречала. Я была бы не прочь сделать тебя принцем... потом, когда ты приведёшь ко мне остальных.

– А почему не сейчас? – спросил Эдмунд. Лицо его покраснело, рот и руки были липкие от рахат-лукума. Он не выглядел ни красивым, ни умным, что бы там ни говорила королева.

– Если я возьму тебя с собой, – сказала она, – я не увижу твоих сестёр и брата. А мне бы очень хотелось познакомиться с твоими милыми родственниками. Ты будешь принцем, а позже – королём, это решено. Но тебе нужны придворные, люди благородной крови. Я сделаю твоего брата герцогом, а сестёр – герцогинями.

– Ну, в них-то нет ничего особенного, – проворчал Эдмунд, – и, во всяком случае, мне ничего не стоит привести их сюда в любой другой день.

– Да, но, попав в мой замок, – сказала Колдунья, – ты можешь про них забыть. Тебе там так понравится, что ты не захочешь уходить ради того, чтобы привести их. Нет, сейчас ты должен вернуться к себе в страну и прийти ко мне в другой раз вместе с ними, понимаешь? Приходить одному нет толку.

– Но я не знаю дороги домой, – заскулил Эдмунд.

– Её нетрудно найти, – сказала Колдунья. – Видишь фонарный столб? – Она протянула волшебную палочку, и Эдмунд увидел тот самый фонарь, под которым Люси повстречалась с фавном. – Прямо за ним лежит путь в Страну Людей. А теперь посмотри сюда. – Она указала в противоположную сторону. – Видишь два холма за деревьями?

– Вижу, – сказал Эдмунд.

– Мой замок стоит как раз между этими холмами. Когда ты придёшь сюда в следующий раз, подойди к фонарю и поищи оттуда эти два холма, а потом иди по лесу, пока не дойдёшь до моего замка. Но помни: ты должен привести всех остальных. Если ты явишься один, я могу сильно рассердиться.

– Постараюсь, – сказал Эдмунд.

– Да, между прочим, – добавила Колдунья, – лучше не рассказывай им обо мне. Пусть это останется нашей тайной, так будет куда интереснее, правда? Устроим им сюрприз. Просто приведи к двум холмам... Такой умный мальчик, как ты, придумает способ, как это сделать. А когда вы подойдёте к моему замку, скажи: «Давайте посмотрим, кто тут живёт», – или что-нибудь другое в этом же роде. Я уверена, что так будет лучше всего. Если твоя сестра повстречалась здесь с фавном, она, возможно, наслушалась обо мне всяких небылиц... и побоится прийти ко мне в гости. Фавны способны наговорить что угодно. Ну а теперь...

– Простите меня, – прервал её вдруг Эдмунд, – но нельзя ли получить ещё один-единственный кусочек рахат-лукума на дорогу?

– Нет, – со смехом ответила королева, – придётся тебе подождать до следующего раза. – И она дала гному сигнал трогаться с места.

Когда сани были уже далеко, королева помахала Эдмунду рукой и закричала:

– В следующий раз! В следующий раз! Не забудь! Скорей возвращайся!

Эдмунд все ещё стоял, уставившись на то место, где скрылись сани, когда услышал, что кто-то зовёт его по имени. Оглянувшись, он увидел, что с противоположной стороны из лесу к нему спешит Люси.

– Ах, Эдмунд! – вскричала она. – Значит, ты тоже сюда попал. Ну не удивительно ли? Теперь...

– Да-да, – прервал её Эдмунд. – Я вижу теперь, что ты была права и шкаф на самом деле волшебный. Могу извиниться перед тобой, если хочешь. Но где, скажи на милость, ты была всё это время? Я тебя повсюду искал.

– Если бы я знала, что ты тоже здесь, я бы тебя подождала, – сказала Люси. Она была так рада и возбуждена, что не заметила, какое красное и страшное лицо у Эдмунда, как грубо он говорит. – Я завтракала с мистером Тумнусом, фавном. У него всё в порядке, Белая Колдунья ничего не сделала ему за то, что он меня отпустил. Он думает, что она ничего об этом не знает и в конце концов всё обойдётся благополучно.

– Белая Колдунья? – повторил Эдмунд. – Кто это?

– О, совершенно ужасная особа, – сказала Люси. – Она называет себя королевой Нарнии, хотя у неё нет на это никаких прав. И все фавны, и дриады, и наяды, и гномы, и животные – во всяком случае, все хорошие животные – прямо ненавидят её. Она может обратить кого хочешь в камень и делает другие страшные вещи. И она так заколдовала Нарнию, что здесь всегда зима... всегда зима, а Рождества и весны всё нет и нет. Она ездит по лесу в санях, запряжённых белыми оленями, с волшебной палочкой в руках и с короной на голове.

Эдмунду и так уже было не по себе оттого, что он съел слишком много сладкого, а когда он узнал, что дама, с которой он подружился, – страшная Колдунья, ему стало ещё больше не по себе. Но по-прежнему больше всего на свете ему хотелось рахат-лукума.

– Кто рассказал тебе всю эту ерунду о Белой Колдунье? – спросил он.

– Мистер Тумнус, фавн, – ответила Люси.

– Фавнам никогда нельзя верить, – отрезал Эдмунд с таким видом, словно он был куда ближе знаком с фавнами, чем Люси.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась Люси.

– Это всем известно, – ответил Эдмунд. – Спроси кого хочешь... Но что толку стоять здесь в снегу. Пошли домой.

– Пошли, – откликнулась Люси. – Ах, Эдмунд, я так рада, что ты сюда попал. Теперь-то Питер и Сьюзен поверят, что Нарния есть на самом деле, раз мы оба побывали тут. Вот будет весело!

Эдмунд подумал про себя, что ему будет далеко не так весело, как ей. Ему придётся признаться перед всеми, что Люси была права, к тому же он не сомневался в том, что брат и сестра примут сторону фавнов и зверей, а он сам был на стороне Колдуньи. Он не представлял, что он скажет и как он сможет сохранить свою тайну, если все трое начнут толковать о Нарнии.

Тем временем они прошли порядочное расстояние. Внезапно они почувствовали, что вокруг них не колючие ветви елей, а мягкие шубы, и через минуту уже стояли в пустой комнате перед шкафом.

– Послушай, Эд, – сказала Люси. – Как ты себя чувствуешь? У тебя ужасный вид.

– У меня всё в порядке, – сказал Эдмунд, но это было неправдой – его сильно мутило.

– Тогда идем поищем остальных. У нас есть что им порассказать! А какие удивительные нас ждут приключения, раз теперь все мы будем участвовать в них!

Глава пятая

Опять по ту сторону двери

Остальные ребята всё ещё играли в прятки, так что Эдмунд и Люси не так скоро их нашли. Когда они наконец собрались все вместе в длинной комнате, где стояли рыцарские доспехи, Люси выпалила:

– Питер! Сьюзен! Это вправдашняя страна! Я не выдумываю, Эдмунд тоже её видел. Через платяной шкаф на самом деле можно туда попасть. Мы оба там были. Мы встретились в лесу. Ну же, Эдмунд, расскажи им всё!

– О чём речь, Эд? – спросил Питер.

Мы подошли с вами сейчас к одному из самых позорных эпизодов во всей этой истории. Эдмунда ужасно тошнило, он дулся и был сердит на Люси за то, что она оказалась права, но он всё ещё не знал, как ему поступить. И вот, когда Питер вдруг обратился к нему с вопросом, он неожиданно решил сделать самую подлую и низкую вещь, какую мог придумать. Он решил предать Люси.

– Расскажи нам, Эд, – попросила Сьюзен.

Эдмунд небрежно обвел их взглядом, словно был куда старше Люси, – а на самом деле разница между ними была всего в один год, – усмехнулся и сказал:

– А!.. Мы с ней играли... в её страну. Будто её страна в платяном шкафу существует на самом деле. Просто для смеха, конечно. Понятно, там ничего нет.

Бедная Люси только раз взглянула на Эдмунда и выбежала из комнаты.

А тот с каждой минутой делался всё хуже и хуже. Чтобы окончательно унижить сестру, он добавил:

– Ну вот, опять за своё. Что с ней такое? Морока с этими малышками! Вечно они...

– Слушай, ты!.. – обрушился на него Питер. – Чья бы корова мычала... С тех пор как Лу начала болтать все эти глупости насчёт платяного шкафа, ты ведёшь себя по-свински, а теперь ещё принялся играть с ней в эту страну и снова её завел. Я уверен, ты сделал это из чистой зловредности.

– Но ведь это чепуха, – сказал, опешив, Эдмунд.

– Конечно, чепуха, – ответил Питер. – В том-то и дело. Когда мы уезжали из дому, Лу была девочка как девочка, но с тех пор как мы приехали сюда, она то ли сходит помаленьку с ума, то ли превращается в самую отъявленную лгунью. Но ни в том ни в другом случае ей не пойдёт на пользу, если сегодня ты смеёшься и дразнишь её, а завтра поддерживаешь её выдумки.

– Я думал... я думал... – пробормотал Эдмунд, но так и не нашёл, что бы ему сказать.

– Ничего ты не думал, – сказал Питер, – просто любишь вредничать. Ты всегда ведёшь себя по-свински с теми, кто младше тебя, – мы уже видели это в школе.

– Пожалуйста, перестаньте, – сказала Сьюзен, – если вы переругаетесь, это ничему не поможет. Давайте пойдём поищем Люси.

Когда они наконец нашли Люси, они увидели, что всё это время она проплакала. И неудивительно. Но что бы они ни говорили ей, она не слушала. Она стояла на своём.

– Мне всё равно, что вы думаете, и мне всё равно, что вы говорите, – твердила она. – Можете рассказать обо всём профессору или написать маме. Делайте что хотите. Я знаю, что встретила там фавна, и... лучше бы я там осталась навсегда, а вы все противные, противные...

Грустный это был вечер, Люси чувствовала себя несчастной-пренесчастной, а до Эдмунда постепенно дошло, что его поступок привел совсем не к тем результатам, которых он ожидал. Двое старших ребят начали всерьёз беспокоиться, не сошла ли Люси с ума. Они ещё долго перешёптывались об этом в коридоре, после того как младшие легли спать.

На следующее утро они наконец решили пойти и рассказать всё профессору.

– Он напишет отцу, если с Лу действительно что-то серьёзное, – сказал Питер. – Нам одним тут не справиться.

И вот старшие брат и сестра пошли и постучали в дверь кабинета; профессор ответил: «Войдите!» – и поднялся с места, и принес им стулья, и сказал, что полностью в их распоряжении! А потом он сидел, сцепив пальцы, и слушал их историю с начала и до конца, не прервав её ни единым словом. Да и после того как они кончили, он ещё долгое время сидел молча. Затем откашлялся и сказал то, что они меньше всего ожидали услышать:

– Откуда вы знаете, – спросил он, – что ваша сестра всё это выдумала?

– О, но ведь... – начала Сьюзен и остановилась. По лицу старого профессора было видно, что он спрашивает совершенно серьёзно. Сьюзен взяла себя в руки и продолжала: – Но Эдмунд говорит, что они просто играли.

– Да, – согласился профессор, – это надо принять во внимание, бесспорно надо. Но – вы не обидитесь на мой вопрос? – на кого, по-вашему, больше можно положиться – на сестру или на брата? Кто из них правдивей?

– В том-то и дело, профессор, – ответил Питер. – До сих пор я бы, не задумываясь, ответил: Люси.

– А по-твоему, кто, моя дорогая? – спросил профессор, обращившись к Сьюзен.

– Ну, вообще, я согласна с Питером, но не может же быть всё это правдой... про лес и про фавна...

– Не знаю, не знаю, – сказал профессор, – но обвинять во лжи того, кто никогда вам не лгал, – не шутка, отнюдь не шутка.

– Мы боимся, что дело ещё хуже, – сказала Сьюзен, – мы думаем, что у Люси не всё в порядке...

– Вы полагаете, что она сошла с ума? – невозмутимо спросил профессор. – Ну на этот счёт вы можете быть совершенно спокойны. Достаточно поглядеть на неё и побеседовать с ней, чтобы увидеть, что она в своём уме.

– Но тогда... – начала Сьюзен и остановилась. Чтобы взрослый человек говорил то, что они слышали от профессора! Она даже представить себе этого не могла и теперь не знала, что и подумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.